

Канат Саттарович Каренов, 1964 года рождения, ветеран Министерства внутренних дел РК, полковник полиции в отставке. Пишет в жанре военной тематики, в журнале «Простор» публиковались его повести «Прости мой брат, прости» (2015) и «Когда вернутся ласточки» (2020). Живет в городе Караганде.

Канат КАРЕНОВ

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

ЖУНУС. 1942 год

Жунус не знал, как сказать Батиме, что их сына Топатая забирают на фронт: ее смугленьшица, добродушного, застенчивого мальчика, только что окончившего школу. Для матерей все их дети всегда будут малышами, независимо от того, сколько им лет и как бы далеко они ни находились – сердце матери неразрывно с ними. Наверное, поэтому при любой неожиданности и опасности, что взрослые, что дети первым словом произносят: «Мама», инстинктивно полагая, что она где-то рядом. И, произнеся это волшебное слово, уверены, что она появится из ниоткуда, залечит любую рану и спасет от беды.

Батима и без того вздрагивала при каждом появлении почтальона или незнакомца, идущего к их двору. Старший их сын, Курманбай, был призван в армию в 1939 году, и вот уже третий год его не было дома. С самого начала этой проклятой войны он стоял на защите своей Родины. Стоял насмерть вместе со своими боевыми товарищами, отражая натиск фашистов, рвущихся к Москве. И, несмотря на тяжелые бои, им удалось отбросить врага назад, заставляя его расплачиваться кровью за каждый метр родной земли и убитых товарищей.

Редкие и короткие письма Курманбая Топатая перечитывал Батиме по нескольку раз. Она каждый раз притрагивалась к этому треугольному листу бумаги, будто хотела уловить запах Курманбая, по которому так соскучилась. А после целовала этот треугольник и прижимала к груди, словно желая передать сыну свое тепло. И каждый раз, складывая очередное письмо в сундук, читала молитву, обращаясь к духам предков и прося их уберечь ее сына от гибели.

Жунус подошел к дому, но так и не смог подобрать слова, чтобы сообщить жене, что Топатая забирают на фронт. И когда он столкнулся с Батимой в дверях, оторопев от неожиданности, только протянул многозначительное: «Ээ-э-э». Он вошел в дом, а потом, развернувшись, пошел к сараю, сам не понимая, зачем он туда идет. Сделав вид, что он что-то ищет, Жунус в недоумении развел руками, словно не смог найти нужное.

Батима, хорошо зная своего мужа, подозревая неладное, пошла за ним, осыпая вопросами:

– Жунус, что случилось? Ты какой-то растерянный. Что ты молчишь? Я тебе говорю!

Не добившись ответа, дрожащим, тихим голосом, в котором явно послышались слезы, она спросила:

– Что-то с Курманбаем?

Жунуса словно холодной водой окатили. И он сразу же ответил:

– Что ты, Батима, с ним всё хорошо.

– Тогда почему ты мечешься туда-сюда, какая тебя муха укусила?

Жунус обнял ее и прижал к себе.

– Всё хорошо с нашим первенцем, воюет как настоящий батыр.

Сердце Батимы сжалось от ласки мужа, и она, сама себя не понимая, выпалила прокравшуюся мысль:

– Неужели тебя забирают на фронт?

– Да лучше бы меня, – всё, что мог ответить Жунус.

– Тогда что случилось? Ты можешь ответить?

– Топатай призывают на войну, – кое-как выдавил из себя проклятые слова Жунус. И сильнее прижал Батиму, словно прощался и сам уходил на фронт. И в мыслях звучала только одна фраза: «Лучше бы я».

– Как же так, ему же всего восемнадцать лет, он только что закончил школу? – застанным слезами взором Батима жалобно посмотрела на Жунуса, ища у него ответа на простой вопрос, за которым таился весь ее материнский страх и бессилие что-либо сделать.

И только слова Жунуса ее охладили:

– Пришло его время защищать Родину.

Их разговор прервал Топатай, выйдя из темноты сарая на свет окна.

– Папа, мама, не переживайте, всё будет хорошо. Курманбай же писал, что наши солдаты отбросили от Москвы фашистов, значит, мы их победим.

– А ты откуда здесь? – опешил от неожиданного появления сына Жунус. Батима, спрятавшись за спину мужа, краем платка вытерла слезы, чтобы их не видел ее добродушный Топатай.

– Да я сарай прибирал, – отозвался тот тоном провинившегося ребенка, ставшего случайным свидетелем разговора старших и не желавшего их обидеть своим ответом. Он уже знал о своем призыве на фронт, только не знал, как об этом сказать родителям.

– Ну и что вы здесь встали? Нашли место, где разговоры вести. Давайте домой, – прервала Батима наступившее молчание и растерянность.

И, уже следуя за женой, Жунус проворчал:

– Странные вы, женщины: то слёзы на глазах, то командирский гром в словах! Я представляю, если бы ты попала на фронт, всех фашистов бы в один сапог засунула.

– Мы, матери, показали бы этим фашистам, как нашу землю топтать и родных убивать. Больше бы никогда к нам не сунулись, – ответила Батима.

Топатай, идя вслед за ними, улыбался. Ворчливый говор родителей после миновавшей грозы напомнил ему их кота, который, развалившись на солнце, мурчал, недовольный обдувавшим его ветерком. Что-то его не устраивало, но всё же, прищурившись от удовольствия, он радовался этому белому свету. Так и Топатай радовался, что ему не пришлось сообщать родителям, что он уходит на фронт – всё как-то само разрешилось. Ему так не хотелось огорчать маму, зная, как она скучает и переживает за Курманбая.

А на улице к дому на вымышленном коне уже подлетал Толетай. Одной рукой он придерживал палку, просунутую между ног, а другой то и дело побивал камчой своего «скакуна», оставляя за собой поднятую на дороге пыль. Увидев своих родителей и брата, Толетай направил «коня» к ним. Прижав к груди руку с камчой, он вежливо поздоровался:

– Ассалаумагалеюк, папа, мама.

И, убрав в сторону уже не нужную игрушку, мальчик бросился в объятия старшего брата. Толетай не знал, что в последний раз обнимает его. Рано утром Топатай уехал на фронт.

ТОПАТАЙ. 1943–1945 годы

В Караганде прибывших новобранцев распределяли по сформированным эшелонам: кто-то сразу же отправлялся на передовую, а кого-то отправляли на учебу для приобретения военных специальностей. Топатай был направлен в ускоренное пехотное училище, но тяжелое положение на фронте диктовало свои условия, и, не закончив его, он в составе 235-й стрелковой дивизии был направлен на оборону Москвы.

Топатай был связистом 8-й гаубичной батареи, и навыки своей новой военной профессии постигал под обстрелами снарядов и свистом пуль, которые в любой момент могли оборвать его жизнь. И так сложилось, что именно им, кто не доучился в Орловском пехотном училище, базировавшемся в г. Чарджоу Туркменской ССР, в июле 1943 года пришлось биться за город Орёл, освобождать его от фашистских захватчиков. Именно там, в Курской битве, Топатай получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу».

Топатай писал в очередном письме домой, родителям:

«Здравствуйте, мои дорогие папа, мама и братишка Толетай! У меня всё хорошо. Жив, здоров, чего и вам желаю. Как вы, мои дорогие? Как же я соскучился по вам! Есть ли вести от Курманбая? Как родные, соседи? Надеюсь, что и у них всё хорошо.»

Мы освободили г. Орёл, бьем и гоним фашистов. Меня наградили медалью “За отвагу”. Не переживайте, всё будет хорошо.»

Толетай, дорогой мой братишка, слушай родителей и помогай им во всём. А когда закончится война и мы с Курманбаем вернемся, то поверь, ты только будешь нами командовать и отдыхать. Обнимаю вас всех, ваши Топатай».

Складывая письмо в солдатский треугольник и написав адрес, Топатай вслух сам себя подбодрил: «А что еще напишешь с фронта? Самое главное – жив, здоров». И со спокойной душой отдал письмо почтальону. Но, видя день за днем все ужасы войны, вчерашний школьник, он понимал, что сейчас и в тылу его родителям приходится нелегко. Люди работали днем и ночью, из последних сил. Приходящие на фронт вагоны были увешаны плакатами: «Всё для фронта, всё для победы». И потому в нем зрела уверенность, что общими усилиями враг рано или поздно будет разбит.

На войне бывают такие моменты, когда случайная встреча переворачивает твоё сознание и меняет отношение к жизни и её ценности. Приходит понимание безвозвратности этих коротких, дорогих и важных моментов. Одна

из таких незабываемых встреч произошла в октябре 1943 года под городом Невелем, перед боем.

Топатай возвращался из пункта связи. Увидев своего земляка Идаята Рахимова, он остановился узнать о последних новостях из дома. Вдруг их разговор прервал нежный девичий голос, обратившийся к ним на родном казахском языке: «Вы откуда, земляки?»

Увидев перед собой красивую, светлолицую девушку, Топатай от неожиданности растерялся. А ямочки, заигравшие от улыбки на ее щеках, ввели его в полный ступор. «Не сон ли это?» – замер Топатай в безмолвии, любуясь девичьей красотой. И только расторопность Идаята, который был не робкого десятка, помогла выйти из неловкой ситуации и задержать внимание незнакомки. Тот не раз принимал участие в айтысах – состязаниях в игре на домбре и песенном красноречии, где участвовали и девушки. А там, если замешкаешься, девушка так тебя высмеет, что будет стыдно перед всеми.

– Здравствуй, очаровательная незнакомка! Мы из Каркаралинска, колыбели казахской степи Сары-Арки. Меня зовут Идаят, а моего скромного друга, потерявшего дар речи от твоей неземной красоты, зовут Топатай. А как тебя зовут, о прекрасный цветок?

Девушка смущенно опустила глаза, пробежавший по ее лицу румянец придал ей еще больше очарования, от нее невозможно было оторвать взгляд.

– Меня зовут Маншук, я из Уральска.

– Не бывал я в ваших краях, но теперь, после войны, обязательно поеду, – клятвенно пообещал Идаят и подмигнул Топатаю.

Их короткая беседа была прервана.

– Маншук, приказ выдвигаться на свои позиции! – окликнул её усатый старшина.

– Тогда до встречи, земляки, – махнула им Маншук.

Как по команде Топатай и Идаят ответили:

– До встречи!

И когда она уже скрылась из виду, Идаят, повернувшись к Топатаю, укорил друга:

– Эх ты, Топатай, Топатай! Такая девушка встречается раз в жизни, а ты стоишь, как в рот воды набрал. Ты что, за девушками никогда не ухаживал? Так ты, брат, никогда не женишься. Или ты думаешь, я всё время буду рядом? Я, конечно, не против, даже ехать свататься готов.

– Когда мне ухаживать, Идаят? Я после школы сразу на фронт. А тут впервые встретил девушку, да еще такую... – мечтательно произнес Топатай.

– А-а, понравилась? В сердце запала? Да, Топатай, теперь все твои сны будут о прекрасной Маншук! – и, громко рассмеявшись, Идаят обнял друга. – Ничего, братишка. Вот закончится война, поедем в Уральск и засватаем ее тебе. И будете жить-поживать и добра наживать, – похлопывая по плечу Топатаю, подбадривая и заглаживая его растерянность, не умолкал Идаят.

Так шли они, беседуя, положив руки на плечи друг другу, в своих мечтах забыв хотя бы на какое-то время о войне.

Но у войны были свои расчеты на их жизни. Через несколько дней Топатай узнал о героической гибели прекрасной девушки Маншук.

Гибель Маншук оставила тяжелую печать в сердце Топатая. Ведь она была такая юная, светлая, ей бы жить и жить! Почему такая несправедливость? Эти мысли угнетали его. Тогда он впервые написал стихотворение.

*О, сердце,
Учащенный стук.*

*А в мыслях только
Имя девушки Манижук.
Ты мой рассвет,
Моя луна.
Ты – просто девушка-весна.
Ты пробудила чувства,
Которых я не знал.
Пусть озарит твой путь звезда,
Я буду ждать тебя всегда.*

Это были его первые стихи в дневнике, в котором он решил писать о тех, кто воюет с ним рядом, с кем ему еще доведется встретиться, и о всех тех, с кем плечом к плечу предстоит бить фашистов.

Шел 1944 год. Фронтовая дорога Топатай вела его вперед, и уже было понятно, что победа будет за нами. Советская армия наступала по всем фронтам, отбрасывая врага, но нельзя было сказать, что фашисты легко отдавали свои позиции – бои шли не на жизнь, а на смерть.

В очередной раз устранив порыв связи и вернувшись на командный пункт, Топатай услышал, что к противостоящим им фашистским формированиям подходят разбитые части немцев, которые совместно должны остановить наступление советских войск.

– Свяжите меня с Семчуком, – коротко отдал приказ командир полка Соснов.

– Семчук на связи, товарищ полковник, – отрапортовал Топатай.

– Семчук, как ты там?

– Товарищ полковник, фашистские пулеметы головы не дают поднять, – коротко доложил Семчук.

– Сейчас у тебя будет там танк, он погасит пулеметные гнезда. Смотри, Семчук, не зевай, сразу в атаку. Фашисты на твоём участке хотят закрепиться с подходом других частей. Не дай им это сделать.

– Понял, товарищ полковник. Только пусть фашистские пулеметы замолчат, а мы в долгу не останемся.

Связь прервалась.

– Жунусов, что со связью?

– Возможно, обрыв, товарищ полковник.

– Возьми двух бойцов, устраните разрыв и поступайте в распоряжение Семчука. Связь с ним мне очень нужна.

– Есть, товарищ полковник. Разрешите выполнять? – коротко ответил Топатай.

– Выполняйте.

Топатай, захватив катушку кабеля, с помощью двух бойцов наладив связь, оказался в расположении Семчука. Точное попадание снаряда уничтожило первую пулеметную точку фашистов. Семчук видел, как из окопа поднимается танк и на скорости продолжает вести огонь, вводя в панику немецких солдат, которые оставляли свои позиции, спасаясь бегством. И с криком «За Родину! Ура!» поднял свою роту в атаку.

Экипаж танка уничтожил пять пулеметных гнезд врага, обеспечив тем самым роте Семчука возможность выбить фашистов с их позиций, не дав им перегруппироваться. Роте удалось посеять панику среди врага и заставить его отступить.

К концу боя солдаты подбежали к танку, чтобы поблагодарить танкистов за их смелую и своевременную помощь. Но каково было удивление бойцов, когда из люка показались девушки. Подбежавший первым капитан Семчук

сначала растерялся, не зная, как реагировать. А потом просто стал обнимать девушек, приговаривая:

– Откуда вы, сестренки?

– Из Казахстана, – ответила командир экипажа, на гимнастерке которой были орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

С этим же вопросом подбежал к ним и Топатай, соскучившийся по родной речи:

– Сестренки, ласточки мои! Откуда вы? – спросил он на казахском.

– Из Караганды, – уточнила отвечающая.

– Я тоже из Караганды, – ответил Топатай.

На глазах его выступили слезы, он не стеснялся их перед девушками, ведь это были слезы радости. Да и те, кто был рядом, понимали его и где-то даже завидовали встрече земляков, которые стали знакомиться в этой короткой военной передышке. Топатай, повернувшись к стоявшему рядом бойцу, с переполняющим его чувством гордости сказал:

– Видишь, какие у меня землячки. А как они били фашистов!

О многом хотелось поговорить Топатаю с боевым экипажем, и прежде всего о том, как они смогли освоить эту грозную боевую машину. Но война есть война – и этим всё сказано. Девушкам нужно было возвращаться в свое расположение, согласно поступившему приказу. Топатай долго смотрел вслед уходящему танку. Какие же они смелые, юные, красивые – целый девичий экипаж! «Скажи кому – не поверят!» – рассуждал про себя Топатай. Не послал бы меня сюда Соснов, я бы их не встретил.

Мысли о казахских девушках и их грозной машине не покидали Топатая, он зафиксировал встречу с необычным танковым экипажем в своем дневнике и сам не заметил, как родилось вдохновенное стихотворение, посвященное казахским девушкам – танкисткам Жамал Байтасовой, Кулькен Токбергеновой, Кульжамиле Талканбаевой и Жамиле Бейсенбаевой, и само легло на страницы его дневника.

*С просторов Сары-Арки вы прилетели,
Родные ласточки мои!
Чтобы врага мы победили,
Вы сами в этот бой пошли.
Не зная страха и пощады,
Врага вы брали на таран.
Такой они отваги не видали,
И, ваш завидев экипаж,
Фашисты в панике бежали.
Такой вселяли в них вы страх.*

После доклада Семчука полковнику Соснову Топатай отправился в свое расположение. Он очень хотел, чтобы о героических девушках-танкистках узнали на Родине, и решил написать заметку в областную газету города Караганды. Однако, понимая, что такая информация не может быть отправлена без согласования с командованием, обратился к полковнику Соснову. Полковник, ознакомившись с информацией, сказал:

– Правильно, Жунусов, в Казахстане должны знать о своих героях. Но ты понимаешь, что это надо согласовать с особым отделом? С почтой может всякое произойти, нельзя, чтобы враг знал о наших действиях. Оставь свою информацию, я тебе сообщу о принятом решении.

На следующий день Соснов вызвал бойца:

– Ну, Топатай, ты теперь внештатный корреспондент. Твою заметку отправят специальной почтой.

– Спасибо, – расплылся в улыбке Топатай. – Разрешите идти?

Топатай светился от счастья. Его душа ликовала. Только сейчас он как-то по-особенному понимал значение казахского слова «сүйінші», понимал, почему одаривали доброго вестника подарками, отдавая порой последнее. Для него сейчас лучшей новостью было разрешение отправить его заметку в газету на родину, где теперь все будут знать о девушках-танкистках из Караганды.

...Война продолжалась. В октябре 1944 года Топатай, выполняя приказ при разведке боем, обеспечил бесперебойную связь командного пункта командира батареи в районе Плум-Нармунд. Под шквальным огнем фашистов он ползком, а затем вперебежку, рискуя жизнью, устранил 12 порывов линий связи. За личную храбрость, проявленную в бою, связист был представлен к медали «За отвагу» – это была его вторая медаль.

В начале декабря 1944 года наши войска освободили Клайпеду и удерживали оборону города вплоть до 31 декабря. В этих сражениях Топатай Жунусов также проявил отвагу и смелость, за что был представлен к ордену Отечественной войны II степени.

В январе 1945 года Топатай бился за освобождение города Тильзита, крепости Реагин в Восточной Пруссии и поселка Гросс-Фридрихсфорда. Там же батарея Топатай была окружена. Четыре раза фашисты предпринимали атаки, чтобы разбить их батарею, но каждый раз наши солдаты мужественно отбивали их. И когда к ним под покровом ночи пробился разведывательный отряд, батарея вышла из окружения и, перегруппировавшись с подкреплением, выбила фашистов, освободив Гросс-Фридрихсфорда. В том бою Топатай был тяжело ранен. Он скончался в медсанчасти в возрасте двадцати лет. Посмертно Топатай Жунусов был представлен к ордену Красной Звезды. До Победы оставалось три месяца.

КУРМАНБАЙ. 1946 год

На перроне стоял солдат. Его смуглое, обветренное лицо было похоже на опаленную войной землю с ее рваными ранами. Ранние морщины, старившие его, свидетельствовали о тяжелой солдатской судьбе. И только улыбка выдавала в нем молодого человека, радующегося возвращению домой. Он был уставшим, но не сломленным.

Вот и последняя пересадка. Курманбай закурил папиросу, прежде чем зайти в вагон. Вокзал гудел. Отовсюду слышались голоса провожающих, крики продавцов.

– Кому пирожки?

– Рыба, жареная рыба!

В унисон стучали колеса проходящих поездов, своими гудками пытаясь заглушить весь этот житей-

ский, мирный шквал звуков. И только голос проводника обрывал всю эту суматоху, призывая зайти в вагоны: поезд отправляется!

Курманбай в последний раз затянулся, по-военному поправил вещмешок и гимнастерку перед тем, как запрыгнуть на площадку тамбура. Найдя свое место и оглядевшись, Курманбай вдруг почувствовал установившуюся вокруг него тишину. Пожилая седая женщина, еле сдерживая слезы и прикрывая дрожащие губы рукой, с тревогой вглядывалась в него, словно ища в его лице знакомые черты. Сидевшая рядом девушка лет двадцати, обнимая ее за плечи, рассматривала боевые награды Курманбая. Старик, вытянув усталые ноги в проходе, не отрывал взгляд от его седины, что раньше времени просачивалась в смоляных прядях солдата. И детвора – мальчишки и девчонки, шумевшие во время посадки, перекрикивая друг друга, тоже сидели, разглядывая Курманбая, который так поздно и одиноко возвращался домой. Ведь уже больше года, как прогремели залпы орудий, ознаменовавшие Победу.

В глазах попутчиков он читал немые недоуменные вопросы: «Что же ты, сынок, так поздно едешь домой? Поди, заждалась мать, не отходя от окна, на каждый стук кидаясь к двери». «И мой папка, вот увидите, тоже вернется, так же с орденами и медалями». «Сколько же тебе пришлось натерпеться, солдатик». «Может, и наши вернутся...»

Курманбай тоже не мог вымолвить ни слова. Он много раз видел такие молчаливые взгляды людей во время войны, проходя мимо сгоревших деревень и городов, – осуждающие, жалостливые, требующие отплатить врагу сполна за их слезы и унижения, – взгляды отчаяния, взгляды надежды. Взгляды, которые говорили больше слов, которые невозможно забыть никогда. Может, именно эти взгляды придавали ему силы превозмочь себя, когда он замерзал, тонул в болотах и умирал от жажды. Когда поднимался в рукопашный бой из последних сил. И вместо крика «Ура!» хриплый рык вырывался из гортани, как у зверя, которому ничего не осталось, как биться насмерть. И хотя эти взгляды попутчиков с их невысказанными вопросами сейчас были добрыми, теплыми, родными, он понимал, сколько в них скорби и боли, оставшихся после проклятой войны.

Курманбай – с военной выправкой и боевыми медалями «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За отвагу», орденом Отечественной войны, молчаливыми свидетелями его боевого пути, открыто говорившими всем: «Он сполна выполнил свой долг и сейчас заслуженно возвращается домой» – тяжело задумался, как вдруг его мысли прервал голос проводницы.

– Что за тишина? Не видели солдата? Домой он едет, обрадовать своих родных и близких, что живой и целый вернулся. Радоваться надо, а то сидите, как на поминках.

Улыбнувшись, она подмигнула Курманбаю и пошла дальше по вагону. Словно дождавшись этого сигнала, пожилая седая женщина с волнением обратилась к солдату:

– Много еще тех, кто едет домой?

– Да, мать, за границей еще остались войска, – ответил он, подбадривая женщину. – Конечно, надо ждать и верить.

И вновь наступила тишина. Но теперь умиротворяющая. Курманбай вглядывался в каждый мелькающий клочок земли, в каждое дерево, кустик, которые успевал увидеть в окне мчащегося поезда, вслушивался в стук колес, вторивший биению его сердца: «домой, домой, домой», пока сон не сморил его.

Проснулся он от теплого прикосновения рук. Это были материнские руки – их ни с чем не перепутаешь. Открыв глаза, он увидел склонившуюся к нему пожилую женщину.

– Спи, сынок, – по-матерински огладила она его лицо. В глазах ее стояли слезы, застывшие, но живые. Все вокруг спали. Курманбай слез с полки и сел рядом с женщиной. Они сидели молча, держась за руки, словно перед расставанием.

Женщина решила прервать молчание:

– Не вернутся мой сын и муж. Сгорели они в танке. Это я при дочери так сказала, не знаю почему. Наверное, очень хочется верить в чудо.

Курманбай обнял эту незнакомую мать и жену двух солдат войны, отдавших свои жизни за Победу. Женщина вскоре прилегла и заснула. Этот короткий, но важный, очень нужный ей разговор, впервые за долгое время, видимо, успокоил ее. Ей не с кем было поделиться своим горем, чтобы отпустить свою невыносимую боль. Она спала, сжимая в своей руке руку Курманбая. И, чувствуя ее материнское тепло, он теперь понимал, как убивалась по погибшему Топатаю его мама. Нахлынувшие чувства сдавливали горло, хотелось выйти в тамбур и закурить папиросу, но он не мог этого сделать – рука пожилой женщины держала его руку. Он смотрел на нее и думал, как мало нужно для счастья человеку – чтобы сочувствующее сердце было рядом, и как же дорого приходится за это платить.

Невольно он вспомнил свой первый бой под Москвой. Снаряды рвались, заглушая крики раненых и засыпая землей погибших. Кровь, изувеченные тела, несмолкаемая канонада. Хотелось бежать куда-нибудь подальше от этого ужаса, который до сих пор стоит перед глазами. Но воинский долг был всего выше, и ненависть, которая росла с каждой секундой, поднимала их и бросала в атаку. И когда погиб командир взвода, Курманбай взял командование на себя.

Подготовившись к следующей танковой атаке, его взвод всё же поджег несколько танков, а артобстрел не только остановил наступление фашистов, но и заставил их отступить. И когда наступило затишье, Курманбай проверил оставшихся в живых. От взвода осталось их только пятеро, двое из которых были ранены. Оценив ситуацию, он отправил одного бойца на правый фланг, другого – на левый, узнать, как там обстоят дела и есть ли боеприпасы. Оставшись с ранеными, он перебинтовал их, собрал оружие и стал ждать. Прибывший с правого фланга боец Аверин доложил, что на подходе пополнение. И, скорее всего, будет сразу наступление, пока фрицы не опомнились...

– Что, солдатик, не спится? – прервала его воспоминания проводница.

Женщина всё спала, и Курманбаю стало спокойно. Словно он выполнил долг перед ее погибшим сыном – побыть рядом с его мамой. Ведь каждый солдат, скучая по материнской ласке, мечтал хоть на минутку оказаться с ней рядом. И только во сне сбывались иногда эти сокровенные мечты.

Семь долгих лет Курманбай не был дома. Его младшему брату Толетаю уже, должно быть, исполнилось девять лет. Какой он теперь? Как родители? Узнают ли его, возмужавшего, поседевшего? – мучил себя вопросами Курманбай.

– Скоро твоя станция, солдатик, – напомнила проводница.

Курманбай почувствовал, как руки женщины отпустили его ладонь. Он встал, поправил гимнастерку и, закидывая на плечо вещевой мешок, не зная, кто из попутчиков спит, кто бодрствует, по-военному коротко сказал:

— Счастливо оставаться, желаю здравствовать.

Он не знал, что в таких случаях надо говорить. Откликнулся старик, пожелавший ему быстрее доехать до дому. Пожилая женщина приподнялась на своей полке, двумя руками крепко обняла Курманбая, словно навеки прощалась с родным сыном. И тогда он развязал вещевой мешок и вытащил из него платок, который вез своей матери. Как солдат, как сын, он понимал, что никто уже никогда не сделает ей такой подарок.

– Маме вез? – посмотрела она в глаза Курманбаю.

– Да, – не смея врать, ответил Курманбай.

– Спасибо, но отвези своей матери.

– Возьмите, пожалуйста, не обижайте меня, – развернув платок, он накинул его женщине на плечи. Из глаз ее потекли слезы.

– Спасибо твоим родителям, что воспитали такого сына, они могут гордиться тобой. – И, проведя рукой по боевым наградам Курманбая, она поцеловала его в лоб: – Будь счастлив, сынок, и пусть у тебя будет много детишек.

– Спасибо, мама.

Обняв ее на прощание, отдав по-воински честь и развернувшись через левое плечо, как на плацу, он пошагал к выходу.

На перроне Курманбай закурил, справляясь с охватившим его волнением. Сколько матерей не дождались своих сыновей, дочерей. А сколько остались вдовами, так и не познав семейного счастья...

– Солдатик, подарок не желаете купить своей невесте? – окликнул его звонкий женский голос. Подошедшая женщина лет сорока развернула перед ним платок. «Бывает же такое», – удивился Курманбай. Расплатившись, он обернулся на всё еще стоявший поезд и в окне своего вагона увидел седую женщину, махавшую ему рукой. В ответ он помахал ей купленным платком, впервые замечая на ее лице улыбку. Всё же счастье – это когда человеку хорошо.

Счастливый Курманбай шел по родной земле, вдыхая прохладный воздух, наслаждаясь всем тем, о чем он так грезил все эти долгие годы. Вокруг щебетали воробьи, лай собак смешивался с мычанием коров на задних подворьях, запах свежее испеченных баурсаков, аромат свежезаваренного чая, дымок, выходящий из самовара, – всё это был родной отчий край. И он уносил Курманбая в далекое, беззаботное детство, где они таскали у бабушки сушеный курт, а она их за это ругала. Но потом усаживала за стол, и они наслаждались вкусом свежей сметаны, макая в нее баурсаки. А какое наслаждение было есть вяленое мясо и запивать кумысом!

Проходя мимо играющих в асыки мальчишек, он тоже захотел бросить асык. Глаз и точная рука не подвели его – он попал с первого броска. Восхищенные мальчишки наперебой стали расспрашивать:

– Кто вы и к кому идете?

– Я сын Жунуса – Курманбай, иду домой.

Мальчишки, как по команде, побросали асыки и, обгоняя друг друга и крича: «Сүйінші, солдат идет, Курманбай – сын Жунуса!», побежали к их дому.

Батима пекла хлеб, когда услышала крики мальчишек. Сердце ее замерло. Она только вчера ходила гадать на фасолевых зернах – когда же придет Курманбай? Не выдержав, она выбежала со двора, прижав руки к груди и пронося молитву, просила Всевышнего услышать имя своего сына, чтобы это он вернулся. И когда она отчетливо услышала: «Солдат идет, его зовут Курманбай – сын Жунуса!», ноги ее подкосились. Откуда-то из глубины материнского сердца, истосковавшегося по родному сыну, затянулся плач, словно звук кобыза, струны которого разрывали тишину, заставляя всех замереть и остановиться перед этим плачем матери.

Курманбай, услышав материнский голос, уже не мог идти. Он побежал быстрее, чтобы обнять ее и успокоить. Впервые за долгие годы он не сдержался и заплакал в объятиях мамы.

Рядом стоял отец Жунус, не смея прервать объятия матери и сына, молча утирал слезы радости. Маленький Толетай, не понимая, что происходит, прижался к ноге отца. Жунус поднял его на руки и сказал:

– Это твой брат Курманбай вернулся с войны.

Толетай, помнящий только Топатая, в ответ со своей детской наивностью спросил:

- Папа, значит, и Топатай тоже скоро вернется?
- Жунус прижал к себе сына покрепче, чтобы он не видел его слёз.
- Нет, сынок, Топатай не вернется.
- Ну почему? Война же закончилась. Вот и Курманбай вернулся.
- Так бывает, сынок. Подрастешь – всё сам поймешь.

Жунус зарезал барана в честь возвращения сына. Батима вместе с соседками стала печь баурсаки и раскатывать тесто. Пока варилось мясо, мужчины напали с распросами на Курманбая. Но он был немногословен. Что говорить о войне: бомбежки, разруха, смерть, плач осиротевших детей – как об этом расскажешь? И разговор как-то перешел на его награды, которые блестили на его груди.

- Ну, расскажи о своих подвигах, за что получил ордена и медали?
- Но и здесь Курманбай отговаривался общими фразами.

– Воевал как все, били фашистов и из автоматов, и в рукопашном бою. Лучше скажите, что у вас нового? Куда мне на работу выходить? – отводя разговор от себя, спросил Курманбай у сидящих аксакалов.

И тут понеслось: наперебой стали говорить аксакалы, что сейчас тяжело, что надо всё заново поднимать. Да и нехватка сил – многие не вернулись с войны. И начали вспоминать всех по именам. Старший из сидящих прочитал молитву по усопшим, а потом приступили к трапезе.

Курманбай заметил, что Толетай сидит возле отца и внимательно за ним наблюдает. «Как же он похож на Топатая!» – присмотревшись к младшему братишке, подумал Курманбай.

...Шли годы, и пророческие пожелания седой женщины исполнились: Курманбай женился, и у него было десять детей.

Толетай отлично закончил школу и одним из первых в их роду поступил в вуз. Он стремился выполнить наказы брата Топатая, которые тот передавал в своих письмах: слушать отца и мать, хорошо учиться, быть примером для окружающих и гордостью для родителей. И, подражая Топатаю, он стал вести дневник, записывая туда рассказы однополчан о Топатае, воспоминания из фронтовых писем и то, что слышал от брата Курманбая, который в знак преданности воинскому братству и памяти о погибших стал отмечать свой день рождения 9 мая.

Толетай хотел, чтобы память о его братьях жила очень долго, передавалась из поколения в поколение и была ярким примером любви к Родине, отваги и мужества.

